

Мей Лев Александрович

**Избранные стихотворения Льва
Александровича Мей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Л34

Л34 **Лев Александрович М.**
Избранные стихотворения Льва Александровича Мея / Мей Лев Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-96010-6

ISBN 978-5-519-96010-6

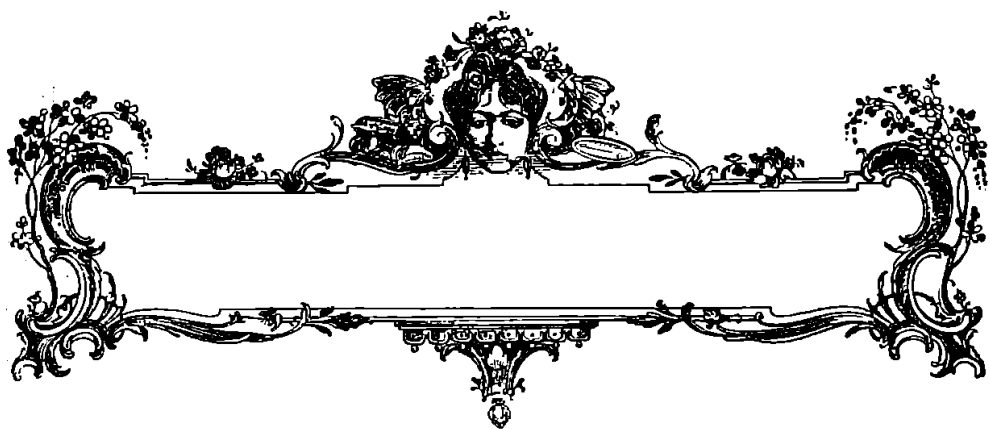
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Левъ Александровичъ Мей.

Родился 13-го февраля 1822 г. Умеръ 16-го мая 1862 года.

I.

Обрусьвшій нѣмецъ Александръ Ивановичъ Мей былъ тяжело раненъ въ Бородинской битвѣ, вышелъ въ отставку и поступилъ на гражданскую службу въ Москвѣ. Тяжелыя раны мучили его до самаго конца жизни. Не легко было и женѣ его—Ольгѣ Ивановнѣ ухаживать долгіе годы за больнымъ мужемъ.

Послѣдній годъ жизни Александра Ивановича былъ и еще печальнѣе. Врачи посовѣтовали ему переѣхать на югъ—въ теплый климатъ: тамъ легче ему будетъ коротать свой вѣкъ. Распродалъ Александръ Ивановичъ всѣ свои пожитки, взялъ съ собой въ дорогу всѣ деньги, какія были, и отправился съ семьей въ далекій и трудный по тому времени путь.

Въ дорогѣ старыя раны раскрылись, страданья стали нестерпимы,—пришлось остановиться, гдѣ попало. Врачей во всей округѣ не было и нѣтъ, и ста-

рикъ скоропостижно умеръ. Ольга Ивановна совсѣмъ растерялась, забыла думать и о деньгахъ, что были при мужѣ, и всѣ деньги дочиста пропали. Нищей вернулась къ роднымъ въ Москву несчастная вдова съ малыми дѣтьми.

Маленькому Льву было тогда всего только шесть лѣтъ. И никто не могъ въ то время подумать, что этотъ малышъ и себя потомъ прославить, и сохранить въ памяти людей имена отца и матери.

II.

Маленькій Левъ росъ рѣзвымъ и шаловливымъ ребенкомъ и былъ изобрѣтателенъ на разные проказы. Знаетъ онъ, что его за шалости не похвалятъ, но удержаться никакъ не можетъ. Начитается тайкомъ увлекательныхъ разсказовъ про всякіе страхи и небывалыя приключенія небывалыхъ героевъ, и ужъ самъ себя вообразить героемъ, выдумаетъ страшное приключеніе. Ночью, когда всѣ въ домѣ заснутъ, убѣжитъ крадучись въ садъ искать страшныхъ опасностей. Сердчишко бьется и замираетъ, весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, но до конца пройдетъ весь темный садъ, оглядитъ каждый кустъ.

Сохранились стихи восьмилѣтняго шалуна-героя, подъ заглавіемъ — „Брань тетки“. Въ этихъ стихахъ своихъ онъ сначала разсказываетъ, какъ тетка бранила его за шалости, а потомъ, какъ онъ просилъ у нея прощенія:

Чтобъ избѣгнуть посрамленья,
Тотчасъ началъ я прощенья
У разсерженной просить.
Говорилъ ей, что забыть

Не могу благодарѣнья,
 Что всѣ черныя дѣянья
 Въ простотѣ свершилъ своей,
 Что совсѣмъ я не злодѣй.

И всѣ любили этого милаго „злодѣя“, рѣзваго шалуна. Добрый и умный онъ былъ ребенокъ, впечатлительный и съ сильнымъ воображеніемъ.

Девяти лѣтъ отдали Льва Мея въ Московскій дворянскій институтъ. Шаловливымъ и рѣзвымъ остался мальчикъ и въ институтѣ, искреннимъ и сердечнымъ; и здѣсь всѣ любили его,—и товарищи, и наставники. Способности открывались у него большія, учился онъ съ полной охотой и старательно, и шелъ первымъ ученикомъ.

На четырнадцатомъ году Льва Мея, какъ лучшаго ученика, перевели въ Царскосельскій лицей, гдѣ въ свое время учился и Пушкинъ. Воспитанникамъ лицея открывалась потомъ широкая дорога къ высшимъ должностямъ въ государствѣ.

III.

И въ лицей даровитый Мей учился охотно, съ увлеченіемъ. Полюбилъ онъ книжный трудъ, основательно усвоилъ обширный курсъ наукъ, овладѣлъ иностранными языками, увлекался художественной литературой. Былъ онъ горячимъ поклонникомъ Пушкина, и самъ писалъ стихи. Съ одинаковой любовью отдавался Мей и научному труду, и художественно-литературному.

Лицейсты получали много журналовъ, и сами для себя составляли свой журналъ, и Мей былъ усерд-

нымъ вкладчикомъ въ это домашнее изданіе. Поэтический талантъ его быстро развивался и крѣпнулъ. Товарищи съ гордостью называли его „нашъ Пушкинъ“. Скоро появились и въ печати стихотворенія Мей.

Особенная любовь сказывалась въ Мей къ родной старинѣ. Такъ, въ стихотвореніи „Царскосельскія воспоминанія“ юный поэтъ говоритъ въ заключеніе:

Святая старина! Какъ много ты дѣланий
 Людскихъ передала!
 Прошли давно вѣка геройства, злодѣяній,
 Исчезли сильные, но въ истинѣ преданій
 Остались ихъ дѣла!

Наибольшую извѣстность прибрѣлъ лицеистъ Мей и за стѣнами лица своимъ стихотвореніемъ — „Послѣднее прощанье“ („Вѣчевой колоколъ“):

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
 На широкой Валимовой площади,
 Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
 Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
 Не мѣняють ли снова посадника?
 Не волнуется ль Чудь непокорная?
 Не вломились ли шведы иль рыцари?
 Да не время ли крикнуть охотниковъ
 Взять неволей иль волей съ Югоріи
 Серебро и мѣха драгоценныя?
 Не пришли ли товары ганзейскіе,
 Али снова послы сановитые
 Отъ великаго князя московскаго
 За обильною данью пріѣхали?
 Нѣтъ! уныло гудитъ-поетъ колоколъ...
 ... Поетъ тризну свободѣ печальную,

Поетъ пѣсню съ отчизной прощальную:
 «Ты прости, родимый Новгородъ!
 Не сзывать тебя на вѣче мнѣ,
 Не гудѣть ужъ мнѣ по-прежнему:—
 Кто на Бога? кто на Новгородъ?
 Вы простите, храмы Божіи,
 Терема мои дубовые!
 Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
 Издаю для васъ послѣдній звонъ.
 Налети ты, буря грозная,
 Вырви ты языкъ чугунный мой,
 Ты разбей края мнѣ мѣдныя,
 Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ
 Про мое ли горе горькое,
 Про мою ли участь слезную».

.

Надъ рѣкою, надъ тѣнистымъ Волховомъ,
 На широкой Вадимовой площади,
 Заунывно гудить-поетъ колоколъ.
 Волховъ плещетъ, и бьется, и пѣнится
 О ладьи москвитянъ острогрудыя;
 А на чистой лазури, въ поднебесьи,
 Главы храмовъ святыхъ бѣлокаменныхъ
 Золотистыми слезками свѣтятся.

Юноша Мей одаренъ истиннымъ и большимъ талантомъ, онъ старательно изучаетъ и науки, и литературу, совершенствуетъ свой природный даръ и замѣтно для всѣхъ идетъ впередъ и впередъ. Его любятъ всѣ и за искренность, и за сердечную доброту. Не одобряютъ только его поведенія воспитатели.

По натурѣ своей Мей юноша живой и пылкій,

легкомысленный и неугомонный. Онъ не подчиняется установленнымъ порядкамъ и на каждомъ шагу открыто ихъ нарушаетъ: онъ неисправимый курильщикъ, носитъ длинные волосы, ходитъ въ разстегнутой курткѣ. Онъ первый зачинщикъ всякихъ безпорядковъ и шумнаго веселья, устроитель поѣздовъ на тройкахъ въ Петербургъ на товарищескія пирушки. Какой же изъ него выйдетъ чиновникъ? На службѣ прежде всего требуется исполнительность и аккуратность!

Шесть лѣтъ учился Мей въ лицѣѣ, по наукамъ шелъ впереди всѣхъ, и талантъ его вполне окрепъ, но курсъ лицейскій окончилъ онъ не по первому, а по второму разряду (1841 г.) и вышелъ въ жизнь съ малымъ чиномъ на скромныя должности.

IV.

Ѣдетъ Левъ Александровичъ на родину, въ Москву, къ нѣжно любимой имъ матери своей и поступаетъ на службу съ маленькимъ жалованьемъ въ канцелярію генераль-губернатора. Служба хоть и не трудная, но безсодержательная и скучная для поэта: только и дѣла, что переписка канцелярскихъ бумагъ по установленной формѣ. Въ душѣ Мея жили иные интересы, и онъ помимо канцеляріи создалъ себѣ свое дѣло и нашелъ друзей.

Мать поэта жила въ домѣ священника, черезъ котораго Мей познакомился съ московскимъ духовенствомъ, заинтересовался Библіей и основательно изучилъ священныя книги. Библейскіе рассказы и пѣсни увлекли поэта, и онъ воплотилъ ихъ потомъ въ художественные образы и картины.

Но всего больше и всего ближе сошелся Мей съ кружкомъ московскихъ литераторовъ.

Молодая жена Мея — Софья Григорьевна, — женщина „съ разсудкомъ и душой“, которой „доступны таинства искусства, понятенъ голосъ истины и чувства“, — устроила поэту уютный мирный уголокъ, куда охотно и часто собиралась литературная семья. Здѣсь перебывали всѣ московскія знаменитости того времени — Островскій, Погодинъ, Писемскій, Потѣхинъ, Мельниковъ - Печерскій, Аполлонъ Григорьевъ. Въ единомысленномъ кружкѣ мирно велись бесѣды о русской старинѣ и современной жизни, о старой и новой литературѣ, о народной поэзіи; графиня Ростопчина читала свои патріотическіе стихи; любитель и мастеръ пѣтъ Тертій Филипповъ распѣвалъ старинныя русскія пѣсни. Здѣсь восхвалялось все русское и народное, осуждалось иноземное.

Собратья по литературѣ считали Мея своимъ, цѣнили его талантъ, отводили ему почетное мѣсто среди поэтовъ и знатоковъ старой и новой литературы. И Мей вполне заслуживалъ такихъ похвалъ. Онъ превосходно изучилъ древніе языки, — греческій, латинскій, еврейскій; свободно владѣлъ новѣйшими языками, — французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, итальянскимъ, польскимъ. И не только зналъ эти языки, но и основательно изучилъ и литературу на каждомъ изъ нихъ, дѣлалъ съ нихъ образцовые переводы.

Но всего выше цѣнили Мея за его оригинальныя художественныя произведенія, за историческія и бытовыя картины. Его считали знатокомъ народнаго языка, народнаго быта, народныхъ вѣрованій и преданій. Въ его произведеніяхъ видѣли неподдѣльную и искреннюю любовь къ родному народу.

Но поэтъ не былъ безразсуднымъ и слѣпымъ поклонникомъ всего, что было и есть въ народѣ, а любовно цѣнилъ въ народной жизни одно лишь доброе и свѣтлое, — живую душу народную, простоту и правду. Цѣнилъ Мей все разумное и доброе и въ чужеземцахъ.

V.

Много и съ любовью работалъ Мей, много вдумчиво читалъ, заботливо и обдуманно писалъ и печаталъ, а жилось ему очень скудно. Скудно оплачивался тогда литературный трудъ, скудное и жалованье получалъ онъ и за свою службу въ канцеляріи. И перемѣнилъ онъ канцелярскую службу на должность инспектора гимназіи. Полезнымъ и интереснымъ казались поэту труды и заботы по воспитанію и ученію дѣтей.

Съ любовію принялся молодой инспекторъ за новое и интересное для него дѣло. Усердно онъ посѣщалъ классы, наблюдалъ за преподаваніемъ, требовалъ отъ учителей и воспитателей ласковаго обращенія съ дѣтьми и одинаковой справедливости какъ къ богатымъ, такъ и къ бѣднымъ ученикамъ. Хотѣлось ему, чтобы ученье не было для дѣтей малопонятнымъ и скучнымъ дѣломъ, а просвѣщало бы умъ, облагораживало и согрѣвало сердце. Бралъ къ себѣ на домъ учениковъ постарше, читалъ и бесѣдовалъ съ ними, ходилъ на прогулки, забавлялъ ихъ. А все это было не въ обычаяхъ того стараго времени (1853 г.). И учебная служба была тогда такой же чиновничьей, какъ и канцелярская, гдѣ всего больше заботились о строгости и внѣшнемъ порядкѣ.

Гимназисты сразу полюбили добраго, справедли-

ваго и заботливаго молодого инспектора. Но сразу же не взлюбили его сослуживцы за необычныя новшества и вредили ему и тайно, и явно.

Только одинъ годъ прослужилъ Мей въ гимназіи и убѣдился, что и эта служба не по немъ. Рѣшилъ онъ навсегда покинуть всякую чиновничью службу, и все свое время, всѣ свои силы отдать литературнымъ трудамъ. И перекочевалъ онъ въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ до конца своей короткой жизни.

VI.

Быстро завязались у Мея литературныя знакомства въ Петербургъ, и составилъ болѣе обширный, чѣмъ въ Москвѣ, дружественный кружокъ литераторовъ, художниковъ, артистовъ и ученыхъ. Въ его тѣсной квартиркѣ изъ трехъ комнатъ съ самой дешевой обстановкой охотно собирались и знаменитости того времени (Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Чернышевскій), и скромные труженики, и много молодежи. На задумшевыхъ пирушкахъ Мея всегда было оживленно, весело, свободно, — музыка, пѣніе, забавные рассказы, остроумныя шутки, чтеніе литературныхъ новинокъ, бесѣды. Здѣсь сходились люди разныхъ взглядовъ и направленій, и каждый чувствовалъ себя, какъ дома, какъ въ товарищеской семьѣ. Всѣхъ соединяло, примиряло и одушевляло искреннее добродушіе Мея, его задумшевая простота и сердечность, его веселыя шутки, безобидныя остроты.

Удивительнымъ и рѣдкимъ характеромъ надѣленъ былъ отъ природы Мей. Всегда веселый и беззаботный, никогда не унывающій, отъ искренняго сердца добродушный и незлобивый, какъ ребенокъ, безъ

малѣйшей гордости и самомнѣнія, — онъ со всѣми былъ и ровень, и дружень.

Во всѣхъ и въ каждомъ онъ подмѣчалъ и видѣлъ одно лишь доброе и хорошее, забывалъ недостатки, любилъ въ человѣкѣ человека, былъ снисходителенъ къ другимъ, — за это и отъ другихъ получалъ и дружбу, и любовь.

Ему никто никогда не могъ наскучить, надоѣсть, помѣшать въ работѣ. Всѣмъ и каждому былъ всегда радъ и готовъ помочь, если нужно.

Начинающій литераторъ всегда находилъ у него и добрый совѣтъ, и помощь въ трудѣ. Онъ терпѣливо выслушивалъ слабые стихи, деликатно объяснялъ, что и почему не такъ, указывалъ, какъ нужно сдѣлать, и изъ посредственнаго получалось хорошее.

Съ дѣтства узнавшій бѣдность и нужду, страданіе и горести, самъ всегда нуждающійся не только въ рублѣ, но и въ гривенникѣ, онъ былъ чутокъ къ нуждѣ другого и отдавалъ послѣдній въ домѣ рубль.

Холодная зима, изо дня въ день крѣпкій морозъ, а дровъ ни полѣна. Въ квартирѣ вода мерзнетъ. Мей бѣжитъ въ редакцію занять денегъ. Досталъ съ трудомъ. Веселый, идетъ домой обрадовать жену. На порогѣ дома встрѣчаетъ знакомаго литератора-несчастливца; тотъ объясняетъ свою бѣду и проситъ займы денегъ. И Мей отдаетъ ему все, что самъ только что занялъ. Жена сердится, упрекаетъ. Мей утѣшаетъ ее: „мы еще молоды, потерпимъ, заработаемъ... а у него дѣти, — видишь, — больны, не на что лѣкарства купить“.

Можно ли послѣ всего этого удивляться, что у Льва Александровича Мея было много преданныхъ друзей? Но лучшимъ другомъ для него самого, неизмѣннымъ спутникомъ всей его жизни былъ свобод-